

Духовная проза

Адель Алексеева

ГРАФИНЯ- МОНАХИНЯ

Адель Ивановна Алексеева
Графиня-монахиня
Серия «Духовная проза (Вече)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55700125
Графиня-монахиня. Роман: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8236-6*

Аннотация

Наталье Борисовне Долгорукой (урожденной графине Шереметевой) пришлось много пережить. Юность ее прошла при дворе в роскоши, а более зрелые годы – в ссылке в ужасных условиях. Любовь Долгорукой к мужу, а также способность смириться и верить в милосердие Бога подверглись тяжелым испытаниям, но все испытания та выдержала с честью, а затем ушла в монастырь.

Сила духа этой женщины (под конец жизни более известной как «схимонахиня Нектария»), чистота ее помыслов и верность долгу воспеты поэтами К. Рылеевым и И. Козловым, признаны писателями Н. Карамзиным и Д. Мирским.

В Киеве молодые люди, уходя на фронт Великой Отечественной войны, давали клятву верности на надгробии «графини-монахини» под сводами Великой Успенской церкви, но и сегодня для многих православных верующих она является образцом скромности, кротости и преданности.

Содержание

Вместо предисловия	4
День радости и ночь печали	7
I	7
II	16
III	18
Тайны закрытых дверей	22
I	22
II	26
III	28
IV	31
V	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Адель Ивановна Алексеева

Графиня-монахиня

Роман

Вместо предисловия

Наталья Борисовна Долгорукая (урожденная графиня Шереметева) до сих пор считается образцом скромности, кротости и верности.

Дочь знаменитого фельдмаршала при Петре I графа Бориса Петровича Шереметева, она полюбила князя Ивана Алексеевича Долгорукого, фаворита императора Петра II.

Накануне смерти Петра II ее возлюбленный решился подделать императорскую подпись на подложном завещании. Указом императрицы Анны Иоанновны Иван Долгорукий был сослан вместе со своим семейством в Березов, но с наступлением опалы Наталья не оставила своего жениха и обвенчалась с ним. Став супругой Долгорукого, она поехала с мужем в ссылку, делила с любимым все невзгоды, родила двух сыновей.

Вскоре в Санкт-Петербург на сосланного князя поступил донос о том, что он говорит «непристойные слова» об императрице Анне Иоанновне и ее фаворите – Бироне. По делу

Долгорукого было начато следствие. На допросах под пытками он рассказал о подложном завещании. По обвинению в государственной измене он был казнен (четвертован) в Новгороде. По преданию, князь проявил необыкновенное самообладание; в то время, когда палач рубил ему руки и ноги, он читал вслух молитвы, не позволив себе даже крика. Эта удивительная кротость и вместе с тем сила духа поразили современников.

Наталья Борисовна после казни мужа получила разрешение вернуться в Москву. Ее любовь к знаменитому супругу сделала ее одной из первых русских писательниц, мемуаристкой XVIII века, рассказавшей о несчастливой судьбе князя Долгорукого в «Своеручных записках...»

В 1758 году Наталья Долгорукая постриглась в монахини в Свято-Вознесенском Флоровском женском монастыре в Киеве под именем Нектарии, приняла схиму.

Ее навещали в монастыре сын Михаил и внук Ванюша. Она передала любимым сродникам заветы отца – фельдмаршала Шереметева, надеялась, что внук унаследует ее истинную веру и литературные способности, ее сговорчивый и терпеливый нрав, а не деда, человека горячего и страстного.

Одной из ее любимых молитв была «Обращение к Богородице».

Вопль к Богоматери

О чем молить Тебя, чего просить Тебя? Ты ведь все видишь, знаешь Сама, посмотри мне в душу и дай ей то, что ей нужно. Ты, все претерпевшая, преобладающая, – все поймешь. Ты, повившая Младенца в яслях и принявшая Его Своими руками со Креста, Ты одна знаешь всю высоту радости, весь гнет горя. Ты, получившая в усыновление весь род человеческий, взгляни и на меня с материнской заботой. Из тенет греха приведи меня к Своему Сыну. Я вижу слезу, оросившую Твой лик. Это надо мной Ты пролила ее, и пусть смывает она следы моих прегрешений. Вот я пришла, я стою, я жду Твоего отклика, о Богоматерь, о Всепетая, о Владычице! Ничего не прошу, только стою пред Тобой. Только сердце мое, бедное человеческое сердце, изнемогшее в точке по правде, бросаю к Пречистым ногам Твоим, Владычице! Дай всем, кто зовет Тебя, достигнуть Тобою вечного дня и лицом к лицу поклониться Тебе.

День радости и ночь печали

I

Хозяйка дома Анна Петровна Шереметева, немолодая, еще красивая, в полном соку женщина, потянулась в своей мягкой постели, разомкнула веки, улыбнулась – при этом обозначились ямочки на щеках – и взглянула в окно. Над кусковским лесом выкатилось солнце, острые лучи пронзили деревья, и, будто от легкого щекотания, все живое задвигалось и прорнулось. Звон, шелканье, щебетание заполнили утренний воздух. Петухи на сельском дворе подтвердили приход нового дня.

Анна Петровна натянула сползшую с полного плеча рубашку голландского полотна и снова зажмурила глаза. И лежала так еще с полчаса – не потому, что любила нежиться, а потому, что привыкла в этот утренний час обозревать мысленно день грядущий, намечая дела: кого послать в Москву за покупками, кого в огород. К примеру, управляющему Дерптских мыз надобно повелеть купить дочерям объяри – желтой, лазоревой, зеленой, а сыновьям чтобы купил золотой и серебряной бахромы на камзолы.

Подобно тому как укладывала она белье в сундуках, так же привела в порядок мысли свои графиня Шереметева, а

потом резко поднялась и села. И в ту же минуту почувствовала резкую боль в левом боку: «Ох, батюшки, что это? Будто шилом пронзило!..» С лежанки вскочила девка Матреша и принялась причитать и суетиться. Анна Петровна цыкнула на нее:

– Молчи, суматошница!..

– Ай лекаря позвать?

Барыня махнула рукой, не надо, мол, что за нежности, обойдется.

– Потри-ка лучше... со спины да сбоку.

Посидев немного, велела подавать платье:

– Розовое с воланами...

Анна Петровна была урожденная Салтыкова, а мужем ее первым был Лев Нарышкин, дядя Петра I, так что приходилась она великому царю родной теткой и в молодости бывала в веселой царской компании. Когда же овдовела в двадцать шесть лет, Петр выдал ее замуж за своего фельдмаршала Шереметева. Прожили они лет семь, Анна Петровна родила пятерых деток, прежде чем отнесли ее дорогого супружника в Александро-Невскую лавру. Оставшись вдовой, вновь испытала на себе грубые ухаживания Петра I, однако она обладала столь недюжинным характером, что сумела и отстоять свою независимость, и сохранить лад с царем. Петру обязана она многим: он посылал ее учиться за границу, приваживал к новым порядкам, а в конце жизни по справедливости рассудил духовную графа, простил долги и решил

ее тяжбу с приказчиком Кудриным, который чуть не обобрал ее как липку.

Когда боль в левом боку успокоилась, а Матреша угомонилась, графиня просунула ноги в загнутые кверху носками туфли, и Матреша принялась за волосы. Действовала она уверенно – не зря училась у чужеземного куафера. Вскоро-сти Анна Петровна вышла из своей опочивальни в таком виде, что хоть в гости к самому князю Черкасскому, соседу их, отправляйся. Глянула в зеркало, осталась довольна, однако хвалить Матрешу не стала – баловать прислугу не след.

А в это время в детской комнате дочь ее Наталья, протерев со сна глаза, заулыбалась: на дощатом полу лежали спелые снопы света, на окне пламенели голландские цветы – тюльпаны, в воздухе стояла птичья звень. «Ах как хорошо! – подумала она. – В Петербурге славно, в Москве, и на Воздвиженке, и на Никольской славно, но сравнится ли что с Кусковом?»

В комнату вплыла матушка – в розовом с коричневой отделкой платье, с высоко взбитыми волосами и вплетенной в них темной лентой. А щеки-то у матушки! Что тюльпаны, которые привезла Репнина! Юная графиня радостно потянулась навстречу матери, но та лишь слегка дотронулась до ее щеки, строго велев умываться. В углу стоял новый, подаренный дочерям яшмовый рукомоЙник.

Сама же барыня направилась в комнату, где жили ее сыновья Петр и Сергей. Сергей еще спал, а Петр, старший, уже

сидел за секретером, и рука его с гусиным пером быстро двигалась по бумаге. Увидя мать, он живо обернулся:

– Поглядите-ка, матушка, что есть у меня... – И он протянул книгу с картинками. – Эвон какие затейки!

– Что за листы такие?

– Версальский парк. Кусты, дорожки, деревья – все по строгому ранжиру, и скульптуры тоже... Вот бы нам соорудить такое! Вырубить все деревья и насадить в новом порядке, и чтоб зеркальные воды были...

Анна Петровна залюбовалась сыном: волнистые пепельные волосы, белое лицо, высокий лоб; правда, стати, дородства шереметевских еще нет, да ведь молод, и пятнадцати лет нету. Голубые глаза косят, но ей и это по душе.

– Разумник ты мой. – Мать погладила его по волосам. – Да откудава мы возьмем тут версальские галереи? Там сколько годов растили да постригали, прически кустам делали, а мы...

– А мы из Парижу садовников выпишем! Право слово.

Тут у Анны Петровны снова зажглось в груди, она схватилась за бок и села. Однако, не посидев и десяти минут, проговорила: «Пора фриштыкать» – и, опершись на Матрешу, двинулась дальше.

В девять часов, как обычно, семья собралась в столовой. Перед едой, конечное дело, молитва. Будучи женщиной ума недюжинного, Анна Петровна близ иконы Казанской Божьей Матери повесила портрет мужа, и потому дети всякий раз,

молясь Богу, отдавали дань и отцу – в поклонении его памяти и заветам она воспитывала своих детей.

Еду подавали простую – холодную говядину, пироги, чай. Лишь для графини принесли заморский напиток кофий: с тех пор как в Германии узнала она вкус этого напитка, жить без него не могла, чашек пять выпьет и спит хорошо.

– Родитель ваш приказывал твердыми быть в вере, почитать старших, служить Отечеству, – говорила она за столом. – А жить велел без излишку, скромно... Сам так жил и нам велел... – Помолчав, добавила: – Император Петр тоже, бывало, в штопаных чулках на ассамблеях плясал.

Наталья внимала матери со всем почтением тринадцати лет, Петр же разговаривал как равный:

– Государь Петр Алексеевич бережлив был, сказывают, за всю жизнь только один раз сшили ему кафтан серебряного шитья... Не было такого императора на Руси и не будет небось еще сто лет. Какой пример подданным подает государь – так они и будут поступать, правда, матушка? Ныне императрица Екатерина вплетает себе в волосы алмазы – и подданные ее туда же... Глядят, чей бриллиант дороже, одна али две тысячи рублей.

– Не хули государыню, Петруша. Верной помощницей была она мужу своему, от прачки до государыни вознеслась – ну-ка?! А силу какую на Петра имела? В гневе остановит и в горе утешит... Помню, как-то Петр поднял свой маршальский жезл – тяжелый он был – и говорит: «Кто из вас на вытя-

нутой руке удержит?» Никто не мог! Дал Екатерине, та взяла его через стол и несколько раз подняла... И сердцем она такая ж сильная.

– Только ни бережливости, ни твердости нету... – упрямо заметил Петр. – И немцев любит.

– Не мели не дело! – возвысила голос Анна Петровна.

Петр опустил глаза и уткнулся в тарелку.

– А правда, что государь с библейским царем Моисеем схож? – подала голос Наталья. – Ежели Петр Великий – Моисей, то несчастный царевич Алексей вроде как Исаак... Тогда, может быть, внук царя Петра славным Иосифом будет? Как мыслишь ты, Петруша?

– Великий князь добр, покладист, должно, будет хорошим императором, – заметил Петр. – Виват ему!

– Ладно говоришь, братушка! – обрадовалась сестра. – И мне он люб.

– Сын иностранного посланника сказывал мне, – Петр понизил голос, – будто отец его удивляется, как худо управляется Российское государство при императрице... подобно оно кораблю, в коем вся команда пьяна, и бури раздирают его, мол, сон есть сие в сравнении с тем, что делалось при Петре Великом.

– К чему говорить, об чем не ведаете, – прервала рискованный разговор Анна Петровна. – Ваше дело – верно служить Отечеству, как отец ваш... И подале от трона...

– Подальше будем, ежели станем богаче, – озорно подмиг-

нул глазами Петр.

– Ах, Петруша, какой ты, право! – всплеснула руками Наталья. – Не перечь матушке!.. Мы ли не богаты? Всего у нас вдосталь.

– То ли еще будет, как я обдумаю все! – похвастался Петр. – Эти гуши, чащобы в Кускове разрушим и дворец настоящий возведем. Настоящий, как в Петербурге!

– Что ты! Каменные только в столице приказано строить!

– А мы его деревянным сделаем, а сверху... а сверху под каменный вид!

Анна Петровна со вниманием поглядела на старшего сына: неужто всего четырнадцать лет ему? Хоть в Европу пошли его, хоть посади с иностранными министрами – не уронит себя. И за столом ладно держится, и разговор со всяким поддержать умеет. И в конъюнктурах разбирается!.. Наталья и Сергей совсем другие, прямодушные, открытые...

Наталья взглянула в окно и обомлела: где ясное утро? Черная туча ползла со стороны Вешняков, нависая над лесом, и крупные редкие капли ударялись о сухую дорогу. Сразу потемнело, и комната наполнилась темным янтарным светом.

Впрочем, не успели дети закончить завтрак и отправиться в учебную комнату, как туча, будто спохватившись и раздумав нарушать ясное утро, лениво погромыхивая, удалилась.

В комнате для учения стояли книги – «Букварь» Бурцова, «Псалтырь», «Обед душевный» Симеона Полоцкого, «Четы

минеи» святого Димитрия Ростовского, книга об одном из первых путешественников петровского времени – «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли»... На стене висела таблица: «Предзнаменование действ на каждый день по течению Луны в зодиаке».

Сергей открыл «Букварь»: возле буквы «Альфа» нарисованы картинки, изображающие Адама, Агасфера, аспида, возле буквы «Зело» забрало (забор), звенец (колокольчик), златица (золотая монета)...

Младшие дети остались заниматься с учителями, а Петр Шереметев удалился по своим делам. Он чувствовал себя вполне самостоятельным: в шесть лет стал наследником Кускова, в одиннадцать определен в Преображенский полк и получил звание подпоручика, нынче зимой учился вместе с наследником великим князем Петром Алексеевичем, а летом более всего озабочен потомственной шереметевской усадьбой.

При дяде его, Петре Васильевиче Большом, тут было всего лишь несколько хорошо подметенных дворов да барский дом под соломенной крышей, вокруг – густые леса, полные дичи. Дед не раз приезжал сюда охотиться с царем Алексеем Михайловичем. Но потом за независимый и решительный нрав сослан был воеводой в Тобольский край, и Кусково пришло в упадок, одичало, все заросло бурьяном. Зато у отца, Бориса Петровича, в конце жизни выдалось время для лич-

ных хозяйственных дел: он перестроил дом, подновил церковь. Однако обставлен был дом просто, без красы, вокруг никакого «плизиру»: ни прудов, ни парковых затей. Юный же Петр Шереметев возымел твердое мечтание: переделать все! Пусть не так, как у Меншикова в Ораниенбауме, пусть не как в Версале, но чтоб ни у кого такого не было: и раздолье московское, и уют. И чтоб соседи их, богатый князь Черкасский и дочь его Варвара, почаще хаживали в их дом.

Оттого-то в те майские дни 1727 года сидел он за книгами и чертежами, изучая архитектурное и парковое дело.

Сестра его Наталья в это время переписывала слова из «Лексикона трехязычного» – на латинском, славянском и греческом языках. Буквы у нее получались красивые, затейливые, как дворцовые канделябры, и в то же время стройные, подобранные.

Мадам Штрауден, гувернантка, задавала ей вопросы на немецком языке.

– Какая сегодня погода?

– Утро было, что райский день, – отвечала Наталья, – летать бы по небу ангелам... А потом туча черная набежала! – да недолго закрывала солнышко, и опять славно так...

– Какое ваше самое сильное желание?

– Чтобы люди все такие счастливые были, как я!

Гувернантка одобрительно кивала...

II

День, как волшебный колобок, катился дальше, и вот уже на смену занятиям, обеденному времени пришли сельские забавы. Играли в прятки. Наталья спряталась за деревьями, замерла при виде бело-розового цветения яблони на фоне голубого неба, к тому же с каплями дождя.

– Ау! Ау! – донеслось из дома. – Натальюшка-а! Выходи! Просо будем сеять.

Неохотно покинула она свое убежище: через короткое время вместе с дворовыми девушками уже водила хоровод и пела: «А мы просо сеяли, сеяли...» Встречные устремлялись со словами: «А мы просо вытопчем, вытопчем!...»

А потом – горелки, бег наперегонки по зеленому лугу, по золотым цветущим одуванчикам: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...»

Наталья крепко держала за руку Дуняшу и думала: «Какая ты хорошая, я непременно подарю тебе на Петров день платок вышитый... Ай, что это я? В Петров-то день братцу подарок надобно делать. Ах, братушка, кабы ты не был грозен, как бы я тебя любила!»

День кусковский высокий, длинный, но и он клонится к ночи – малиновый колобок навис под синим лесом: пора по домам... Перед сном можно посидеть с бабушкой, послушать сказки, а потом и в комнатку с Дуняшей. То ли слу-

жанка она, то ли подруга, и всегда с вопросами: «Что-то вы, графинюшка, нонеча вроде плохо спали? Ладное али худое снилось?» Наговорятся перед сном вдосталь!

– Хочешь, расскажу про сегодняшнего дня приключение?

– Расскажите, барышня, – встрепенулась Дуня.

– Зашла я за еловый лес... Тот темный, знаешь? Стою у дуба, никого нет, дивуюсь на веточки... И вдруг старуха с палкой идет, лопочет что-то... Слышу я: «Кыш! Кыш, нечистая!» Смотрю – никого нет!.. А она ближе, ближе – и вокруг дуба, где я стою, кружит да приговаривает: «Не тронь красавицу-девицу! Черный ворон, улетай! Кыш!» Я гляжу – никакого черного ворона, никого... Страшно мне стало, будто околдовали меня, пошевелиться не могу. А она опять: «Кыш, черный ворон!» Не к добру это, Дуняша, да?

– Небось! И-и, будет вам, графинюшка!.. Отчего вы братцу-то про то не сказали? Он бы приказал словить да наказать ее. В Перове, сказывают, есть одна старуха... не ведьма она, а так... дочь у ей утонула, вот и водит ее нечистая сила.

– Дочь утонула? Ой, страсть какая! Как же она, бедненькая?

III

Дом затих, все погрузилось во тьму, не слышно ни единого звука – ни в лесу, ни в селе... Маленькая графиня уже уносилась в мягкую полудрему, когда вдруг, словно от удара, встрепенулась. Что за странные звуки? Стон? Скрип?.. Или птица?..

Охваченная непонятной тревогой, подошла к окну. Села на подоконник. Подуло холодом – ночной заморозок?..

За окном виднелся купол кусковской церкви, а над ним – полная луна, круглая, как то венецианское зеркало, что подарила ей императрица тогда, на елке для детей придворных, – они подходили к мягкой, в ямочках руке царицы, целовали ее, а она раздавала подарки... Отчего, однако, такой страх охватил Наталью? Чего испугалась? Может, это круглая луна разбудила ее?.. Или все же кто-то кричал? Уж не матушка ли? Тяжелая походка ее сегодня была, задыхалась... Наталья не зашла к ней перед сном, не поцеловала...

Серебристо-белый неживой свет лился от луны на землю, на черный лес, а на фоне леса белела прозрачно отцветающая черемуха.

Вот белое облако надвинулось на луну, что-то зловещее проглянуло в ней, и лик луны стал похож на человеческое лицо. Оно будто ослабилось в ухмылке... Облако опустилось и как бы зацепилось за крест, венчавший маковку Спас-

ской церкви, причудливо изогнулось и приняло странную форму... Парящий ангел! Мерещится это ей или вспомнился Петрушин план – соорудить на церкви белого ангела? Братец сказывал, что мечтание такое имеет. Однако дунул ветер – и ангел исчез...

Неизвестно, сколько просидела так на подоконнике Наталья... И опять раздался этот странный звук! Стон? Скрип, крик?.. Или в лесу неведомая птица? Но прошло еще несколько минут – и дом вдруг задвигался, всколыхнулся, зашумел... Наталья вскочила и бросилась в матушкину опочивальню.

Анна Петровна лежала на кровати, опрокинутое лицо ее было блее полотна, а изо рта вырывались хрипы...

– Лекаря, лекаря зовите!

Видимо-невидимо людей набралось в комнате, но явился старший брат и прогнал всех, кроме лекаря, Натальи да бабушки Марьи Ивановны.

Они сидели возле больной всю ночь.

К утру приступ кончился: Анна Петровна уснула, а мать ее еще долго не шевелилась...

Над лесом нехотя поднимался рассвет.

Бабушка и внучка, обнявшись, поднялись, чтобы идти к себе, но тут послышался один, второй удар колокола. Были они не ко времени, и звучала в них проникающая в душу тревога... Звонили в Вешняках, Петр велел слуге бежать к Черкасским:

– Узнай, что стряслось!

Вернувшись, слуга сообщил:

– Ваше сиятельство, беда! Государыня императрица Екатерина Алексеевна скончалась...

И с того самого часа во всех домах на Руси, в хоромах дворянских, особняках, в избах под соломой, в крепких пятистенках, поднялся великий переполох. Не только дворяне – все сословия лишились покоя. Что-то будет? Кого теперь ждать? Согреет ли новый царь-государь существование ихнее или по-прежнему корабль будет терзаем бурями?..

А спустя полтора ста лет один из потомков фельдмаршала (историк Сергей Дмитриевич) напишет в своих записках: «6 мая 1727 года около 9 часов пополудни Екатерины не стало. На другой день поутру согласно завещанию, публично прочитанному Остерманом, великий князь провозглашен императором всероссийским Петром II». И далее:

«Между страшным розыском 1718 года и воцарением Петра II всего 9 лет. Еще живо все в памяти, и даже не сняты с Красной площади орудия казни. Современники переживали перелом, чреватый неисчислимыми последствиями... Можно себе представить, что произошло, когда на престол вступил сын царевича Алексея. С Екатериною отходило прошлое, для многих смутительное, и прекратился соблазн, небывалый после великого князя Василия Ивановича: наличность двух жен! Как тогда – Сабурова

Соломония в Покровском монастыре Суздальском, а на престоле Елена Глинская, так и теперь Евдокия Лопухина в том же Покровском монастыре, когда на престоле ее соперница; с Запада пришли как Елена (Глинская), так и теперь Екатерина. Петр II являлся примирительным звеном между двух течений, прочно уже установившихся. С одной стороны, как последний Романов по мужской линии, он примыкал по крови Лопухиных к древней Руси и преданиям ее. С другой, как внук герцога Брауншвейг-Люнебургского, он не был чужим князьям имперским Германии и тем олицетворял то, к чему стремился Петр I, всегда искавший брачных сближений с царственными домами Европы».

Другой историк – Василий Ключевский так охарактеризовал царствование Екатерины:

«Во все короткое царствование Екатерины правительство заботливо ласкало гвардию... Императрица из собственных рук в своей палатке угощала вином гвардейских офицеров. Под таким прикрытием она царствовала с лишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала... Между тем недовольные за кулисами на тайных сборищах пили здоровье обойденного великого князя, а тайная полиция каждый день вешала неосторожных болтунов».

Тайны закрытых дверей

I

В голицынском доме (это было еще в веселые дни Екатерины I) набралось столь много гостей, что хозяин попросил их перейти в другую, более обширную залу с высоким потолком, обтянутым тканью, и стенами, закрытыми гобеленами. В зале было холодно, но генерал Ягужинский, распорядившийся балом и одушевлявший общество, затеял такой танец, что даже дамы с оголенными плечами скоро согрелись. Танец этот представлял забавную смесь англеза, польского и штирийского танцев. Красуясь с Головкиной в первой паре, Ягужинский выдумывал разные фигуры, а все повторяли за ними.

При дворе в последнее время появилась новая мода: перемежать танцы всякими выдумками-выкрутасами. К примеру, кавалеры становились на одно колено и целовали подол платья своей дамы, то делали глубокие реверансы, а вместе они щелкали в воздухе пальцами. На этот раз распорядитель бала объявил «табачную паузу», и все потянулись за табакерками с нюхательным табаком.

Головкиной пришлось в голову стянуть с кавалера парик — и мужчины вынуждены были обнаружить дурные прически

или, хуже того, голые лысины... Когда же Ягужинский поднял тост за танцующих дам – все общество с особой охотой устремилось к столикам, уставленным серебряными чарками.

Во всех затеях особенно отличались два молодых человека: дородный, светловолосый, с тонким голосом князь Трубецкой Никита Юрьевич и товарищ его – рослый, черноволосый, с пылающими как уголь глазами – князь Иван Алексеевич Долгорукий, оба состоявшие в охране наследника престола Петра. Лихо выделявали они разные фигуры в польке, менуэте, контрдансе, щеголевато позвякивали шпорами и, как истинные шляхтичи, целовали ручки дамам.

Что за красочное, необычайное зрелище представляла голицынская зала с танцующими парами! Длинные и пышные наряды делали дам высокими, крупными, мужчины же в коротких камзолах казались мелковаты, но зато сколь ярки их одежды! Не было и не будет, должно, столетия, в которое бы мужчины ходили в костюмах, столь щедро расшитых диковинными узорами, цветами, колосьями, в белых и розовых чулках, в туфлях, украшенных драгоценными пряжками, в завитых, надушенных париках. Еще не вышли из употребления черные голландские парики, но уже многие красовались с белыми локонами. У Толстого, к примеру, парик был черный, в тон его маленьким черными усикам, а у Ягужинского – разделенный надвое и уходящий на спину пышный белый парик.

Какая изысканность в подборе цветов! Нежные, пастельные, серебристо-сиреневые, серо-голубые чередовались с теплыми желтыми и бледно-розовыми, и все это отливало бриллиантами, жемчугом, сапфирами...

Дамские юбки были подобны великолепным распустившимся цветам, а талии, затянутые в корсеты, – стеблям. Тонкие кружева обрамляли шею и руки; платья натянуты на каркас, или корзину из китового уса, носившую название «панье». А какие затейливые сооружения на головах! Подобные таким архитектурным мезонинчикам из кружев, лент, стрекоз и бабочек, и они носили французское название – фонтанж.

Ах, как ценили люди того времени удовольствия! Они словно вырывались из узких теснин прошлых веков, из законов «Домостроя», впервые вкусив новые прелести, потянулись к европейскому изяществу. Научились одеваться со смыслом, ладно двигаться, на особый манер снимать шляпу, доставать табакерку.

А музыка? Что за дивное смешение тонких звуков скрипки, хрипловато-низких – альты и дребезжащих – клавиководов! Под такую музыку можно двигаться только неспешно, изящно, в полном благорасположении.

Петербург полюбил тайные вести, беседы наедине, разговоры за закрытыми дверьми, отдельные будуары и кабинеты. Сколько новостей можно в них разузнать, как удачно позлословить о сопернице, проучить неловкого кавалера, устро-

ить хитрую интригу!.. И все это благодаря плотно закрытым дверям.

Миновала пора неумеренного питья и обжорства, когда ежели чин мужской – так и живот большой, теперь думали о фигуре. В застолье, беря бокал, даже мужчины оттопыривали мизинец, а дамы вино лишь пригубливали.

Однако... однако в тот вечер в голицынском доме два друга-товарища – Трубецкой и Долгорукий – к концу вечера изрядно «перелишили», опьянели. В это время в зале как раз появился их общий знакомый Юрий Сапега с хорошенькой полькой, и молодые князья наперебой стали приглашать ее на танцы. Когда же красивая полька, обещавшая контрданс Трубецкому, подала руку Долгорукому, Никита Юрьевич готов был испепелить друга. Пошатываясь и громко бранясь, они направились к выходу и уединились. О чем шел у них разговор – неведомо, но многие слышали рассерженный рокот Долгорукого и высокий тенор Трубецкого.

II

Примерно в те же дни в корчму, что стояла на пути в Петербург, ввалилась гурьба рабочих людей. Не снимая одежды, не здороваясь, не вытирая ног, они с шумом расселись вокруг деревянного, добела выскобленного стола. Тут же появилась хозяйка, жбан с квасом, штофы с водкой, пироги и брюква, и начались шумные разговоры.

– Сам стоял на карауле, сам видал... идет это она, еле ноги переставляет... то ль пьянехонькая, то ль лихоманка ее схватила... Баба она и есть баба, хоть и царица...

– У, с-сатана заморская, женка антихристовая!.. Какой сам был, такую и нам оставил.

– Лукавой бабы черт в ступе не утолчет... Да еще и немка.

– На столбе бумагу повесили про болезнь ее, может, приберет Бог... Ляксандра Данилыча – вот кого надоть...

– Э-э-э, на ча нам Меншиков? Пусть царевич Петр правит, сынок блаженного царевича Алексеюшки-и, и-э-х! Нам старые порядки надобны, православные!

– А верховники тайные – их-то к чему выдумали? Дело это тоже нечистое, антихристово!

Гудела шумная компания, горячилась, воздух стал сизым от табачного дыма, несло сивухой и рыбным варевом.

Хозяйка ловко носила тарелки, кружки, проворно бежала на кухню и обратно и при этом успевала прислушиваться

к разговорам, которые вели гости, а за дверью шепталась о чем-то со своим мужем. Никому не приходило в голову, что то, о чем говорили гости, записывал корчмарь, а потом передавал в Тайную канцелярию.

На прощание хозяйка весело улыбалась, открывала дверь и напутствовала: «Гость – гости, а пошел – прости!» А через день-два схватят кого из случайных путников, и невдогад им, кто донес, останется сие тайной закрытых дверей.

III

...Александр Данилович Меншиков отослал камердинера, плотно прикрыл дверь, задвинул тяжелую гардину и зажег свечи в шандале – теперь он был прочно отгорожен от внешнего мира, так ему лучше думалось.

В длинном бархатном кафтане, в мягких сапогах скорым шагом пересек кабинет, резко повернулся и – назад. Заложив руки за спину, хмуро глядя на роскошный восточный ковер, прохаживался по кабинету.

Лицо Меншикова в последние годы обрюзгло, ожесточилось, появилась язвительная ухмылка и две глубокие морщины возле рта – не осталось и следа от того весельчака, который покорила когда-то Петра Великого. Ямка на подбородке длинного лица углубилась, волосы топорщились, и всем своим обликом напоминал он старого льва.

Было о чем подумать всемогущему властелину! То возвращался мыслью он к Петру Великому – как тяжело тот умирал, как мучила его мысль о напрасно прожитой жизни, о том, что все начинания его придут в забвение, – то горевал о скончавшейся Екатерине, то более всего терзался собственной судьбой. Царь завещал продлевать его дело, и Меншиков старался, руководствовал императрицу Екатерину, а теперь не стало ее – и зашаталась под ногами у светлейшего земля... Он ли не воспитывал Петрова внука, он ли не дер-

жал его в строгости, как приказывал Петр? Денег лишних – ни-ни, играми тешиться много не давал, об здоровье его заботился более, чем об собственном сыне, в ненастье на прогулку не выпустит, а чтоб под надзором был – в собственном дворце поселил...

Но что стряслось в последнее время с царевичем? Опустит глаза и молчит-помалкивает, упрямствует... Видать, не по нутру ему Меншиков, не угодил чем-то? Но чем? Не иначе кто худое нашептывает ему про опекуна-воспитателя. Хорошо, что уговорил императрицу, благословила она царевича с его Марьей, теперь, как ни крути, Марья Меншикова – царская невеста. Да вот незадача: он-то, Меншиков, будущий ли тесть? Не оплошать бы!.. Долгорукого Ивана отчего-то наследник приблизил, к чему сие?.. Ох, худо Данилычу, худо, не хватает «минхерца», умной головы его, а эти, высокородные, дородные... не по нраву им Меншиков, выскочка, мол, нельзя такому власть давать, зазнается...

«Долгорукие точат зубы, тянут долгие руки. Да поглядим еще, чья возьмет. Не отдам я власть! Пусть лишь под моим ведомством дипломатические переговоры ведутся, пусть спрашивают у меня совета... Сиятельный князь! Ко мне, адъютанты, камергеры, всякие послы иностранные, гости именитые!» Жужжат они, будто пчелы, и звук сей Меншикову лучше всякой музыки.

Екатерина таких же простых кровей, как и он, – прачка мариенбургская, на все руки мастерица, нраву веселого, яс-

ного. Царя в буйстве в чувство приводила и его, Алексашку, укрощала. А ныне с умом надо действовать, глядеть в оба... Главная беда: Иван Долгорукий любимым товарищем Петру сделался – и чем только приворожил? Отвадить надобно, пусть наследник лучше с Шереметевым Петром водится. А как?..

Так, шагая по кабинету, размышлял Меншиков, заложив за спину сильные, цепкие руки. Хмурил брови, мягко вышагивал длинными ногами в татарских сапогах. Не было слышно шагов его за закрытой дверью, а походка напоминала поступь зверя, почуявшего опасность...

Остановился возле шандала, загадал: ежели одним дыхом погасит все свечи – быть добру, выдаст дочь за императора, станет властелином; ежели нет, то... Остановился поодаль, набрал воздуха, дунул, но... то ли слишком велико расстояние, то ли волнение овладело – только две свечи погасли.

Меншиков обернулся вокруг себя, словно ища виновника этакого казуса и стыдясь за себя. Затем рванул колокольчик, дернул штору, она неожиданно оборвалась, обрушилась – и вельможный князь выругался...

Примета оправдалась: на другой день наследник-царевич сбежал из меншиковского дворца.

IV

Петр II, прихрамывая, подошел к окну, глянул на дорогу, и нетерпение отразилось на его лице: где он, отчего нейдет верный его товарищ?..

Царевич Петр строен, высок, здоровый румянец на щеках, лицо продолговатое, обликом отца напоминает, несчастного царевича Алексея, а голубыми глазами – мать, принцессу Шарлотту. Его можно бы назвать красивым, кабы не хмурое, насупленное выражение.

Все в его жизни определялось тяжким крестом его рождения. Постоянно слышал он назойливые голоса – высокие и низкие, хриплые и певучие, требовательные и укоризненные, голоса мачехи Екатерины, опекуна Меншикова, воспитателя Остермана и Ягужинского, Черкасского и Голицына... Но откуда знать, кто из них истинно думает о его благе? И еще: постоянно слыша похвалы деду – Великому Петру, император-мальчик казался себе рядом с ним ничтожным... Пока жива была Екатерина, императрица Екатерина, видел он и ласку и шутки, а как она скончалась – сжал свой кулак Меншиков. Кроме парика немецкого на голове юного Петра оказалась шапка Мономаха, но держал-то ее в руках бывший пирожник. Было отчего наследнику иметь лицо хмурое и озабоченное.

Но с некоторой поры появился близ него человек, от ко-

того исходили истинная верность, жизнелюбие, в его присутствии наследник делался улыбчивым и мягким. Звали его князь Иван Долгорукий. С ним можно беспричинно веселиться и играть, скакать по полям на охоте, спорить о том, что надобно России. Была у него еще удивительная способность появляться в тот именно момент, когда очень нужен. Впервые явился еще при жизни императрицы, бросился в ноги великому князю и поклялся служить ему верой и правдой...

Отчего, однако, нейдет он теперь? Есть нужда, поговорить надобно про Меншикова, а его все нет и нет. Петр снова подошел к окну, опираясь на палочку и хромая – днями понес его на охоте конь, и опять же спас верный Долгорукий! Петр увидел подъехавшую к крыльцу знакомую карету.

Наконец-то! Вбегая в комнату, Долгорукий на ходу уже спрашивал про здоровье, про ногу. Не поднимая глаз, но светлея лицом. Петр упрекнул его:

– Что долго столь не являлся?

– Не виноватый я, ваше величество! Принцесса Елизавета просила одного неслуха наказать.

– Принцесса? – Петр сощурил большие, навывкате глаза.

Красавица Елизавета, дочь Великого Петра, была предметом их общих воздыханий. Императору приходилась она теткой, была старше его годами и надежд никаких не подавала, Ивану по возрасту была впору, но веселая и умная Елизавета ни тому, ни другому не выказывала внимания.

– Ну и... как Елизавета? – не скрывая ревнивого чувства, спросил Петр.

– Со всеми играет и никого не любит. Как всегда! – беспечно отвечал князь Иван.

– А я ждал тебя, оттого что... сказать надобно...

– Про что, ваше величество? – Долгорукий живо сверкнул черными глазами.

– Про Меншикова. Я от него сбежал, а вчера он сызнова... За свое... Сестре Наталье подарил я червонцы, а он забрал.

– Хм!.. Экий самоуправец!

– Могу ли я с сими делами его мириться? Знает ведь, как люблю я Наталью, заместо матери мне она, отрада и жалостливость ее мне дороги, а он запретил – как такое стерпеть?

– Ваше величество, дерзость сие великая есть! Виданное ли дело – царю перечить? – беззаботно поигрывая шпагой, отвечал Долгорукий. – Он хочет овладеть вашей волей.

– Я докажу ему, чья тут воля главная, кто есть самодержец! – вскинул голову Петр.

– Конечно, докажете, – уверенно отвечал фаворит и перевел разговор на другое: – Батюшка мой и дядья сказывали, будто Александр Данилыч к роскоши склонен. Одних коров у него тысяч на сто.

– Не хочу я во власти его пребывать! – упрямо повторил император и осторожнее добавил: – Что ежели в денежных делах его покопаться?.. Дед мой завещал в скромности пре-

бывать, а Данилыч живет яко царь заморский.

– Но, государь... – в замешательстве пробормотал Долгорукий. – Ведь государыня Екатерина благословила вас на брак с Меншиковой Марией.

– Ах, эта Мария! – с досадой проговорил Петр. – Не по душе мне она, Иван!

– А коли не по душе, так можно... того!

– Эх, кабы расторгнуть ту помолвку... – мечтательно прищурился император.

– Вы – государь, ваше величество, и, значит, воля ваша главная! – поставил точку фаворит.

V

...Петербургский день с немалым трудом разлепил свои веки, мгlistые облака поднялись чуть выше крыш, не выпуская из своих объятий низкорослый город.

Шереметевские хоромы на берегу Фонтанки – каменные и деревянные строения, амбары, сараи, великий сад – тоже окутаны влажной холодной сыростью.

В один из таких хмурых зимних дней Наталья Шереметева вбежала в свою светлицу и бросилась на подушку, заливаясь слезами. Ах, Петруша, как ты жестокосерден! За что обидел сестрицу?.. Велика ли беда – разбила скляницу его в чулане! – так ведь не знала, не ведала, что хранит он в склянницах благовонные травы, да и темно было в чулане.

В какой день вздумал серчать на нее! – ведь ныне годовщина смерти батюшки. Встав с кровати, юная графиня подошла к окну, и памяти ее предстала давняя картина: толпы великих людей, государь Петр Алексеевич во главе траурного шествия, лошадей множество в черных епанчах... Ах, горе, нет теперь у нее ни батюшки, ни матушки! Как счастливы были они в Кускове, в каком довольстве и благополучии жили, а теперь более года как уж нет ее... В последний день призвала к себе детей, перекрестила всех, простилась, да и закрыла глаза навеки, оставив сирот на попечение бабушки да гувернантки мадам Штрауден. Явственно стояло

перед глазами строгое и суровое, но такое милое, с ямочками лицо матери... И было так жалко себя!.. А братец не посмотрел ни на что, осерчал на нее из-за той безделицы...

Теперь скоро уж время обеда, надобно спускаться вниз, а ей не хочется. Что, ежели?.. Сама ужаснулась такой мысли: взять и уйти из дому! Не раздумывая, подхватила синюю бархатную шубейку, муфту, платок – и к двери. Навстречу Дуняша:

– Далеко ли оболокаетесь?

– Вздумала погулять...

– Ваша милость, никак одни? – удивилась Дуня.

– Тоскливо мне, Дунюшка... Да и дело у меня есть... важное.

– Так я с вами! Бабушка ругаться станут.

– Нет, нет, я сама, сама... Мне в аптеку надобно, – придумала оправдание Наталья. Да ведь и вправду на Невской першпективе аптека есть, в которой можно разные травы купить, чтобы брат не серчал. – Только, голубушка, Дунюшка, ты смотри никому про то не сказывай! – И заспешила на черный ход.

Скоро оказалась на Невской першпективе, среди множества магазинов; заглянула в одну, в другую галантерейные лавки, купила позументы, нитки, а потом уж направилась к дому с вывеской «Щеголеватая аптека»... Отобрала там множество лекарственных и благоуханных трав и возвращалась довольная.

Ветер тем временем разогнал облака, и яркая синева явилась на небе. Высокая и тонкая графиня загляделась на небо, неловко ступила на заледеневшую мостовую, да и поскользнулась. Упала так, что муфта отлетела в сторону.

В ноге – острая боль, а над головой синее, как фарфор, небо. И в тот же почти миг на фарфоровой синеве возникла голова в зеленой треуголке, встревоженное лицо, черные глаза и брови: офицер Преображенского полка в зеленом мундире. Бросился к проезжавшему извозчику, мигом вышвырнул из санок человека в заячьей шапке – и назад, к Наталье.

– Больно? – спросил, но, не дожидаясь ответа, взял ее на руки и поднес к санкам. – Где дом ваш?

– На Фонтанной... – морщась от боли и краснея, отвечала она. – Возле моста.

– Уж не хоромы ли шереметевские?

Она кивнула.

– Так вы, должно, Наталья Борисовна, графиня Шереметева?.. О, знатного человека дочь! – Он сел рядом, прикрыл ее ноги, наклонил голову: – К вашим услугам – князь Иван Алексеевич Долгорукий. – И крикнул извозчику: – Гони к Фонтанной!..

В доме между тем поднялась изрядная хлопотня – искали беглянку. Увидав подъезжающие санки, слуги высыпали на крыльцо, а бабушка замерла у окна второго этажа.

У ворот князь осадил лошадей, взял пострадавшую на руки и понес к крыльцу. Глаза его, веселые, черные, неотступно смотрели на нее, но и она, отчего-то забыв о боли, не могла отвести от него взгляда, будто замороженная. Вот он ласково улыбнулся, явно любуясь ее нежным румянцем, серьезными серыми глазами, лицом, окаймленным серебристым платком с черной полосой, слегка прижал к себе и коснулся губами ее пальцев. От рук его исходил некий жар, и впервые почувствовала Наталья истинно мужскую силу. Она смутилась, заалела и, смущенная его смелостью, вспыхнула, вскинув густые темные, словно бабочки, ресницы...

А в доме продолжалась хлопотня, слуги голосили, толклись в сенях; сверху по лестнице, шурша юбками и ворча, спускалась Марья Ивановна, Дуняша охала про себя.

По-хозяйски ощупав ногу, Марья Ивановна послала за лекарем, однако особого сочувствия не выказала, а вместо этого принялась распекать внучку:

– Виданное ли дело? Эко! – убежала не спросясь, укатила неведомо куда... Вот тебя и наказал Господь!

Потом обратила внимание на офицера, спросила: кто таков?

Князь представился, выражение лица бабушки изменилось.

– Неужто Долгорукий князь? Так вот ты каков, батюшка? Хорош! – Она оглядела его. – Знала я одного Долгорукого, да и прочих тоже... А молодого князя в первый раз вижу...

Мерси тебе за Натальюшку... А князю Василию кланяйся от меня.

– Благодарствую! – поклонился он. Щелкнув каблуками и бросив еще раз взгляд на юную графиню, удалился.

Вместе с креслом, в котором она сидела, Наталью подняли наверх, в бабушкину комнату. Явившийся туда лекарь осмотрел ногу и объявил, что сие есть растяг, надобны покой и холод. После тех процедур беглянку покормили, и бабушка велела всем выйти.

– Оставьте меня с внучкой одну... – сказала.

В доме стало тихо, лишь позвякивали старинные, с петухом часы.

Любила Наталья бабушкину комнату, тут было уютно, все дышало стариной – сундучки, рундуки боярские, шкатулки, пяльцы, вышиванье на резном столике, парчовые нити... Руки ее всегда чем-нибудь были заняты. Вот и теперь вынула тонкий шелк, пяльцы, иглу и принялась вышивать воздух – пелену, вклад свой в Богородицкий монастырь. Монастырь этот с давних пор опекали Шереметевы. Внучка лежала на диване кожаного покрытия, а бабушка восседала в кресле с львиными головами. Прежде чем взяться за иголку, достала табакерку, взяла щепотку табаку, нюхнула, с чувством чихнула и, высоко откинув голову, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.